

Урод

16+

Мадина Зиганшина

Мадина Давлетовна Зиганшина

Урод

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31182528

SelfPub; 2018

Аннотация

Считаешь, что уродство нрава – приговор? Я спору. Картина с обложки: "Seated nude" Пабло Пикассо.

Мама! Ты прости, что я родился,

Что тебе, я в жизни помешал .

Я же не хотел, чтоб так случилось,

Что я буду лишним, я не знал.

Мама! Мне прости, что не любимый,

Я какой то, верно, не такой.

С первого мгновенья не счастливый.

И для мира этого чужой.

Мама! Я, греха в тебе не вижу.

Я, без всяких «но», тебя люблю,

И тебя я, мама не обижу.

Мама! Я, домой с тобой хочу.

Мама! Ты прости, что я родился.

Мама! Мне прости, что помешал.

Мама! Ты ни в чем не виновата.

Мама! Без тебя, я жить устал...

Олег Литвинов

Три процента зрения. Это в сумме на оба глаза девочки. Сожитель ее матери недалекий, но очень далеко ушедший в злобу, люто ненавидел девочку. Ненавидел за врожденное уродство ее лица. Оно настолько было ему противным, что вызывало потребность терзать девчонку. Воспользовавшись ее почти полным отсутствием зрения, он заставлял ее подметать пол и за каждую пропущенную мусоринку выхватывал из ее руки веник и бил им по ногам девочки.

– Урод! – кричал он, постепенно погашая свою ярость. Урод. Это стало ее именем в родном доме.

Нетерпимым ее уродство было и для уличных мальчишек. Они грозились побить ее камнями. А подрастающие девичьи вполголоса, но чтобы слышала, говорили ей вслед: «Как можно жить с таким лицом!» или что-то подобное.

Мать видела синяки от побоев ее сожителя, но никогда не вступала в защиту. Девочка считала, что она сама боится его.

Она слабенькая, всегда усталая. Вот, если бы папа! Девочка мысленно рисовала отца, которого никогда не видела. Большой, сильный, с руками тоже большими, но теплыми и ласковыми. «Папа, папа, ну где же ты?» – шептала девочка в отчаянной надежде, что он придет на ее зов. Девочка знала из объяснений мамы, что отец бросил их из-за ее уродства, стыдясь соседей. Решение отца для девочки было вполне объяснимым, ведь она и сама стыдится людей. Она старалась не выходить на улицу днем, уж лучше терпеть побои дома.

Однажды мать сказала, что отвезет дочь в город, в школу – интернат для слепых.

– Там ты будешь не только учиться, но и жить.

Мать сказала это с каким-то облегчением, будто сбросила тяжелый груз с плеча. А девочке стало страшно, как это жить вне дома, без мамы! Но решение было принято, и они с матерью поехали в кабине грузовой машины в город. Девочка вглядывалась в лобовое стекло, чтобы попрощаться с родной деревней, но из-за плохого зрения ничего не видела. Детское сердце трепетало, как птица, запертая в клетке. Хотелось вырваться из машины и бежать назад в деревню, в которой ей не давали прохода, и все же в свою родную деревню.

Встретили их с мамой во дворе интерната. Повсюду были видны силуэты детей. Некоторые приблизились к ней. Привычно скомкалось сердце в ожидании оскорбления или даже удара, как когда-то в деревне ее ударил мальчишка по носу, да так, что полностью сломал носовую перегородку, чем су-

щественно усугубил ее уродство. В следующую минуту девочка заметила, что ни мамы, ни кого— либо из взрослых рядом не было. Наверно, они зашли в здание, — догадалась она. Стало еще страшнее. Маленькая беззащитная в окружении детей, она выглядела, как собака с поджатым под самое брюхо хвостом, забежавшая в поисках пищи в чужой двор и готовая в любой момент к грозному окрику: «Пошел!»

Время шло, ее никто не трогал, но находиться такой неопределенности длительное время становилось невыносимым. Наконец к девочке подошла высокая женщина и вдруг, будто нырнула, стала вровень с ней.— «Присела на корточки», догадалась девочка. Женщина взяла ее за руку своей большой теплой и мягкой рукой.

— Ну, что, Любушка, давай знакомиться...

Девочка, конечно же, не запомнила имя этой женщины, вернее, оно вообще пролетело мимо ее уха. «Любушка. Это же меня она так назвала».— Любушка. Это слово эхом повторялось в ее ушах снова и снова. — «Люба. Это мое имя. Люба, а не Урод!»

Люба высвободила руку из ладони женщины и сама своими холодными маленькими пальцами вцепилась в руку женщины.

Девочку завели в здание. Она рванулась было назад, чтобы попрощаться с мамой, но ей сказали, что мама уже ушла. Ушла!? Сердечко в маленькой груди девочки будто оборвалось.

Так началась ее, продолжительностью в двенадцать долгих лет, жизнь в интернате. Здесь царил покой. Слепые не резвятся. Они не по детски степенные. Никто не обзывал ее уродом – слепые же. Только покой этот для девочки становился гнетущим и нестерпимым. Люба скучала по маме, которая совсем не приезжала. Девочка понимала, что маме трудно и даже невозможно приехать в город, но сердцу – то не прикажешь молчать.

Маме трудно. Вот, если бы был папа! Хотелось заплакать, но Люба давно разучилась плакать, вернее, у нее совсем не было слез, когда сердце рыдало.

Глава 2

«Ну хоть бить ее там не будут», – пыталась мать успокоить себя. Но вместо успокоения грудь с каждым днем все больше опустошалась. Валентина запила.

– Валька! Ты опять наклюкалась? – орал на нее сожитель, брезгливо отталкивая ее, пьяную, но ищущую ласку.

Она все равно лезла к нему, ей хотелось, чтобы он хотя бы ударил ее, бил, оставляя синяки на ногах, как у дочери. И от того, что он даже не бил, становилось нестерпимо горько. Валентина ненавидела сожителя, но не гнала его, как выгнала мужа, отца Любы, за измену. Она не спрашивала себя, почему не окорбляется сейчас, или почему не хочет отомстить за дочь. Просто не в ее правилах было заниматься самоистязанием вообще, а тем более теперь, когда все мысли заглу-

шались водкой.

Сожитель ушел. Любое уродство для него было патологически нестерпимым, а пьяная Валентина казалась ему еще более уродливой, чем ее дочь. Такой исход событий для женщины был неожиданным и как-то резко отрезвил. Она перестала пить.

Вспомнилось, как жилось ей с первым мужем. «Теле-нок!» – призрительно называла она его, сначала тайно, чтоб не слышал, а потом раздраженно и громко. Ей не нравилось, что он не умеет постоять за себя в мужских столкновениях, какие в их деревне были чуть ли не каждодневным явлением, и безропотно принимал ее оскорбления и придирки. Его молчаливое терпение становилось нестерпимым для нее. И уже не хотелось ни его ласк, ни его неисчерпаемой доброты.

– Чего ты, Валька, добиваешься? Уйдет он от тебя. Сколько баб в деревне одиноких, поманит одна из них, и поминай, как звали, – сокрушалась мать. – Ну что ты, как мужлан какой, жена ласковой должна быть, в этом вся ее сила.

– Да кому он нужен. Кто позарится на такого? – возражала Валентина, ничуть не колеблясь в истине своих утверждений.

А мать, как в воду глядела, зашумели однажды бабенки в деревне, как растревоженные осы у гнезда, и полетели сплетни, мол, Вальке – то муж рога наставил. Выгнала Валентина мужа. Он уехал из деревни, но не один, а с молоденькой из-

бранницей.

Придирка. Это безупречный способ разрушить семью. История знает немало случаев, когда из-за придирок один из супругов, подолгу притерпевающий их, сбегает из семьи куда глаза глядят. Лев Толстой. Даже имя предполагало для этого человека царский сан. Гигант в литературном мире и просто высокий, крупного телосложения человек, напоминающий легендарных богатырей Руси. И вот этот человек бежал из дома, бежал от постоянных придирок жены, которой не нравилось, что он не требует от издательств гонораров за свои литературные произведения. Зачем они, семья утопала в роскоши? Но привычка к придиркам – это кровожадный враг, который ищет причины для раздражения, а если не находит их, строит ситуации сам. Жена Льва Толстова, конечно, знала достоинства своего мужа, но вся беда в том, что люди легко привыкают к хорошему. И оно становится само собой разумеющимся, а плохое, даже незначительное, оно сиеминутное, явное и раздражает. Придирка, как ржа, подтачивает даже самые крепкие устои. Лев Толстой. Не выдержал даже этот могучий человек, бежал, в бегах простудился и умер от воспаления легких. Последней его просьбой было не подпускать жену к его гробу.

И стала Валентина, статная да красивая, приманкой для сластолюбивых одиночек и не только. Однако женщина себе цену знала, по рукам не пошла. Но и одиночкой не собиралась оставаться. Однажды, после окончания жатвы, на то-

ку, когда зерно уже почти было подобрано, появился бригадир. Это был уважаемый человек на деревне, приехал разделить радость с хлеборобами, остался, чтобы отпраздновать с ними небывалый урожай. Ну, как водится, подвыпили на радостях, захмелели, да оно и не предосудительно, работа, за малым, закончена. Уже поздненько, потемну к Валентине подошел бригадир и сзади обнял ее. Это было неожиданно. Степенным человеком слыл бригадир, половину века уже проживший, не женатый, но ни в каких постыдных делах незамеченный. Жил с матерью. Мужчина видный, любая на деревне сочла бы внимание этого человека за честь. Валентина решительно скинула его руки со своей талии и молча пошла прочь, интуитивно понимая, что это всего лишь хмельная страсть. И хотя на это можно было посмотреть снисходительно – живой ведь человек, и лед тает, когда жарко. Но к почтенному человеку такое обычно не применимо.

Один мужчина вроде оседло решил переселиться, почему бы нет, баба видная, имеет крышу над головой, хозяйство порядочное. Правда, старуха в доме есть, да много ли ей осталось землю копить. Хужее девчонка, до тошноты уродливая. Ну да ладно, стерпится.

– Валька, не пара он тебе. Злой он. Видала давеча, как на девочку нашу смотрел? Ой, боюсь, казнить он будет ее. Не пущай его близко ко двору, помяни мое слово, не раз пожалеешь, дочка! – запречетала было мать Валентины. Но куда там, только обозлила ее.

– Опять суешь нос не в свои дела? Чего ты меня за подол хватаешь? Вылезла я уже из этого возраста, без тебя разберусь, как мне жить. И запомни, будешь мне палки в колеса ставить, умирать будешь не подойду к тебе!

От всех этих огорчений ли, время ли подошло, мать вскоре умерла. И надо случиться так, что Валентины в тот день не было дома, не успела вернуться из города. Дочка рассказывала, что бабушка все поднимала голову и спрашивала: не приехала ли мама. Много раз спрашивала, а потом совсем замолчала.

Все так и случилось, как пригрозила со зла Валентина.

Поползли дни один за другим, годы серые да скучные, вроде идешь вперед, а глаза назад смотрят, только воспоминания, одно другого краше. И ничто впереди не светит. А от прошлого только одно клеймо и осталось – «брошенка», на деревне это нестерпимый позор.

Однажды в дверь постучали. На пороге стояла высокая женщина, вроде знакомая, но не на столько, чтобы припомнить.

– Здравствуйте, Валентина! – поздоровалась женщина.

И, видя, что ее не узнали, пояснила, что она директор интэната.

Валентина всплеснула руками, суетливо пригласила в дом и хлопотала на кухне, собираясь напоить гостью чаем. А та

сидела на табуретке и озиралась вокруг. Заметила, как аккуратно расставлены на сушилке тарелки, бокалы. Опрокинуты на тумбочке чистые кастрюли, сковородка. На окне висела с каким-то веселым рисунком задергушка, на подоконнике стояли горшочки с геранью, играя разноцветием бутонов.

Зашумел чайник, запахло густым травяным ароматом. После длинной утомительной дороги чай был самым желанным напитком.

Женщины пили чай молча, если не считать реплики гостыи о хорошем подборе трав для заварки чая, о бездорожье, которую трудно преодолеть и прочей мелочи, которая приходит в голову в ситуациях, когда говорить не о чем, а намеченный разговор начинать еще рановато.

Гостью удивляло, что мать не спрашивает ничего о дочери. А у Валентины этот вопрос застрял непроходимым комом в горле.

– Что же вы не приезжаете к нам, Любушка тоскует по вам, – наконец озвучила гостыя, висевший в воздухе вопрос.

Валентина не ответила ей, только заметно поджала губы. И гостыя уже пожалела, что задала явно упрекающий вопрос.

– Да, конечно, работа, и добираться до города у вас тут почти невозможно и не на чем, – запречетала, отвечая на свой же вопрос, гостыя, хотя все, что говорила не могла считать оправданием для матери, которая годами не находила возможности попроведовать дочь.

Разговор даже не пытался стронуться с места.

– У вас уютный домик. Ухоженный такой, как вы одна справляетесь? – с улыбкой похвалила гостя, переходя на другую тему.

– Ну как справляюсь, «я корова, я и бык, я и баба, и мужик!» – ответила Валентина улыбкой на улыбку. И на этом разговор опять оборвался.

– Скоро за мной заедет машина, наконец решила гостя приступить к разговору, ради которого приехала, – я хотела бы пригласить вас поехать со мной навестить Любушку. Она ждет вас. А назад вас привезет наша машина.

Валентина соскочила с табуретки, рванулась в соседнюю комнату, но тут же вернулась и заявила, что ей надо сбегать на работу, чтобы отпроситься у начальства.

Получив разрешение начальства, женщина бегом побежала вдоль деревенской улицы, заведя, что у ее дома уже стоит машина. Она пробежала мимо магазина, где можно было бы купить гостинец для дочери. Не остановилась толи потому, что не подумала об этом, толи боясь задержать машину. Быстро сменив платье, заявила о своей готовности ехать.

Машина уже выезжала за околицу деревни, и Валентина вдруг вскрикнула:

– Стой, стой, поворачивай назад! Мне надо взять малиновое варенье, которое любит Люба.

Всю дорогу ехали молча. Мария Ивановна, имя которой Валентина так и не вспомнила, взяла из ее рук довольно увесистый узел и положила на сидение между ними. Тупо бряк-

нули банки, стукнувшись друг об друга.

– Носки и варежки еще положила, которые сама связала для дочки, оправдывала она большой размер узла.

– Это хорошо, Любушка порадуетя, – похвалила Мария Ивановна.

– Наверное, она уже большенькая, подойдет ли ей моё вязание? – вдруг испуганно встрепенулась мать. Для нее дочь была все такой же маленькой, какую отвезла она ее в интернат.

– Все равно Любушка обрадуется, даже, если они будут малы. – поспешила Мария Ивановна успокоить мать и положила свою теплую, мягкую ладонь на руку своей спутницы. Она знала, что Люба отдаст носки и варежки маленькой девочке казашке, которую очень любила и была ее повадырем на прогулках. Бывало, что отдавала ей одну из двух конфет, которые получала, как и все, за завтраком.

Укачало. И обе женщины задремали . Дорога была дальней.

Глава 3

Мать стояла столбом перед неузнаваемо повзрослевшей дочерью и никак не осмеливалась дотронуться до нее. Руки висели, как плети.

Дочь не знала почему ее позвали в комнату для гостей и молча ждала объяснений.

– Любушка, к тебе приехала твоя мама, вот она, – Мария

Ивановна притянула руку девочки к материнской руке.

— Мама! — вскричала девочка и вцепилась в стоящую рядом мать. Обе молчали: дочь от упоения счастьем, мать от пронзительно осознанной вины.

Мария Ивановна вышла, оставив их вдвоем. Она боялась разрыдаться и этим испортить радость встречи.

Потом был чай с малиновым вареньем. Мать и дочь, перебивая друг друга, вспоминали картинки из детства Любы. Перед глазами Валентины вдруг всплыли синяки на ногах дочери. Это напрочь вычеркнуло радость воспоминаний. Захотелось попросить прощения у дочери за эти синяки, но Валентина не сделала этого, чтобы не смешать горькое со сладким.

Носки, конечно же, не подошли, но Люба с радостью воскликнула:

— Зато они будут как раз Аяулым! Мама, к ней никто не приезжает. Как она обрадуется! Спасибо, мама!

Дочь, которая сидела до сих пор за столом напротив матери, встала, обошла стол и села рядом с матерью, прильнув к ней.

— Мама, давай пригласим эту девочку на чай с малиновым вареньем и Марию Ивановну тоже!

Валентине понравилась идея позвать на чай девочку с красивым и загадочным именем, но когда Люба пожелала пригласить Марию Ивановну, она вдруг осознала, как сильно срослись души Любы и этой женщины, и какое крохотное

и тесное местечко осталось в сердце дочери для нее, для Валентины. Даже в первые часы встречи с матерью Люба пожелала близости этой женщины. Однако Валентина постаралась подавить обиду в себе и с деланной радостью согласилась с предложением дочери. Но обида матери тенью проскользнула перед девочкой и, почувствовав неладное в настроении матери, Люба еще теснее прижалась к ней.

– Мамочка, нежно произнесла она, и стенка, которая вдруг появилась между ними растаяла. Валентина тоже крепко обняла дочь. Вгляделась в нее долгим взглядом, и уродство дочери показалось ей таким незначительным, даже почти не заметным. Да, чего там, она была самой красивой.

Оставаться долго Валентина не могла. Но уезжая, обещала дочери, что как-нибудь вырвется и приедет к ней.

Люба не знала, что мать привезла директор интерната. Выяснять это никто не стал, да и некогда было. Мария Ивановна принесла рисунки Любы. Мать удивилась как же это она, почти слепая, может рисовать.

– Люба рисует лежа на полу. У нее есть лупа, которая крепиться на лбу. Лупа с подсветкой. Благодаря этой установке Люба видит, что рисует, – объяснила директор школы.

Мать не задерживала глаза на картинках, но, если бы она разбиралась в искусстве, то поняла бы, что эти картинки выдавали талант художника.

Причудливые стилизованные орнаменты рождались у де-

вочки после прогулок с Марией Ивановной, которая нередко забирала ее в лес. Она рассказывала девочке какими цветами усеяны поляны, давала понюхать аромат цветов. После этих довольно частых прогулок Люба научилась распознавать цветы по аромату.

Мария Ивановна срывала листочки с различных деревьев, цветы, выющиеся растения, чтобы девочка могла разглядеть их, приближая к самым глазам. Она рассказывала, как под пробивающимися через листву деревьев лучами солнца, рождалась сказочная красота, которая способна радовать сердце человека, делать его добрее, благороднее. Мария Ивановна заостряла слух девочки на лесных звуках. Учила слышать легкий, едва уловимый шелест листьев среди стреката насекомых и оголтелый гомон птиц. Они слушали тяжелый гул леса в ветренный день и давали повод разгуляться своей фантазии.

Однажды в лесу Люба запела. Мария Ивановна замерла. Девочка пела сердцем. Голосом так не поют. Вернувшись с прогулки Мария Ивановна попросила музыкального работника школы прослушать голос девочки, но Люба петь не согласилась. При первой возможности Мария Ивановна повела девочку на концерт прославленного детского хора. Там пели и солисты вокала. Через несколько дней отрывок из одной, услышанной там песни, Люба воспроизвела в комнате. Дети, находившиеся там, захлопали в ладоши. Это было началом любиных концертов на школьной сцене. Занялись постанов-

кой ее голоса. Песни подбирали вместе, так сказать, для души, то, что нравилось девочке, постепенно складывая для нее подходящий ее голосу репертуар.

Послушала песни дочери и Валентина. Мария Ивановна устроила специальный традиционный по случаю приезда родителей к воспитанникам интерната, концерт. Кроме Любы в день приезда ее мамы выступали и другие дети. Они пели, танцевали, даже показывали небольшие гимнастические этюды, позволенные для слепых. Спела песню на казахском языке и маленькая Аяулым.

– Это песня о маме, – пояснила Люба. – Аяулым очень скучает по своей маме, иногда плачет. Ее мама пьяница, часто била дочку, оставляла одну дома без пищи, но Аяулым говорит, что она все равно очень хорошая, просто ей тяжело живется. Когда она привезла дочку к нам в интернат, звала ее Аяшкой. Но Мария Ивановна сказала нам ее настоящее имя. Аяулым – отличница, умная и добрая девочка. Она сочиняет стихи, только на своем родном языке. Мария Ивановна попросила нашу учительницу по музыке положить ее стих на ноты, вот так и получилась эта песня о маме. Ты знаешь, мамочка, такая радость, у нас был медосмотр, и врачи сказали, что у Аяулым, похоже, можно восстановить зрение. Теперь Мария Ивановна возит ее на всякие анализы. Врачи проводят подготовительное лечение и потом сделают операцию. Представляешь, мамочка, Аяулым будет видеть! Мария Ивановна говорит, что такой случай уже был в интернате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.